

PAWLACZYK A., GŁUSZKOWSKI M., 2019, "ВЕЛИКИЕ" ПРЕДСТАВИТЕЛИ МАЛЫХ ОБЩИН, IN: G. OJCEWICZ (ED.), ROSJA I PAMIĘĆ O RZECZY. OD EMBLEMATU DO RELIKWII. OLSZTYN: WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE, 133-148

ANGELIKA PAWLACZYK, MICHAŁ GŁUSZKOWSKI (TORUŃ)

«ВЕЛИКИЕ» ПРЕДСТАВИТЕЛИ МАЛЫХ ОБЩИН

«Идентичность» исследуется с точки зрения нескольких научных дисциплин. По всей вероятности, интерес со стороны психологов, со-циологов, антропологов и культуроведов привёл к появлению прилагательных, определяющих многозначное понятие. Итак, словари и поисковые системы ссылают на статьи, в которых употребляются такие термины, как культурная, гражданская, социальная, психическая и политическая идентичность, а также идентичность-тождественность в математике. Однако, независимо от контекста, суть понятия остаётся неизменной и опирается на отношение тождественности или хотя бы сходства. В социальных и гуманитарных науках существует консенсус относительно составляющих идентичности, к которым принадлежат: язык, вероисповедание, национальность или этничность, традиции, разделяемая всеми членами общины история группы, сознание групповой интегральности и отличия от окружения (ср. Kwaśniewski 1990: 351–352; Olechnicki, Załęcki 1998: 228; Hillmann 2007: 431).

Существование общины как отдельного целого зависит от состояния вышеупомянутых элементов (составляющих). Их сохранению способствуют выдающиеся представители данной группы. Такую функцию могут выполнять авторитетные личности, социальные деятели, писатели и поэты, художники, актёры, певцы и т.д., т.е. все те, кем остальные члены общины могут гордиться и на кого могут ориентироваться. В больших социальных группах сохранение национальной или культурной идентичности не вызывает особых затруднений, тем более что часто поддерживается социальными институтами¹, напр. министерством культуры, образовательной системой или СМИ. Итак, проблема культурной идентичности поляков в Польше и русских в России не представляет исследовательской проблемы, в

¹ Под понятием социального института в данной статье подразумеваются разнообразные формы учреждений и установлений, а также организованных чело-веческих действий с целью определить поведение индивида в обществе (Муртазина 2011: 185–186).

то время как те же этнические группы в других странах, в которых существуют на правах национальных меньшинств, могут испытывать существенные трудности в сохранении своего отличия от доминирующей местной культуры.

На первый взгляд культурная идентичность русской эмиграции, которая принадлежит к самым многочисленным в мире, не находится под угрозой исчезновения. В дальнем зарубежье проживает ок. 10 миллионов русских, а их численность в некоторых странах составляет несколько сотен тысяч (RIA 2006). Однако, кроме больших русских диаспор, как в США, Германии или Франции, существуют также небольшие и совсем маленькие общины, к которым принадлежат старообрядцы Балтии и Польши. Первая волна старообрядческой эмиграции началась скоро после раскола, ещё во второй половине XVII в. Многие верующие, которые не приняли реформ, проведенных в Русской православной церкви в 1652 г. патриархом Никоном, были лишены гражданских и церковных прав. Называемые старообрядцами, староверами или раскольниками, они преследовались церковными и государственными властями, из-за чего были вынуждены мигрировать. Своё убежище искали в безлюдных местах в России – прежде всего на севере и в Сибири, а также за рубежом: в Речи Посполитой и Ливонии, а позднее также в других странах Европы, в Северной и Южной Америках и др.

Старообрядцы, прибывшие в XVII и XVIII вв. на территории Речи Посполитой и сегодняшних стран Балтии, никогда не составляли больших общин. Местные власти, обыкновенно враждебные России, давали им земельные наделы и позволяли основывать свои деревни, а также гарантировали свободу вероисповедания (Iwaniec 1977: 77–83). Таким образом в отдельных регионах существующих ныне стран: северо-восточной Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, сформировались языковые и культурные острова, т.е. территории, отделённые от материка в родной стране. Старообрядцы мигрировали из-за своей веры, которая стала ядром их групповой идентичности на протяжении нескольких столетий. Несмотря на то, то предки современных староверов Польши и Балтии прибыли на занимаемые ими территории двести или триста лет тому назад, до сих пор их общины можно рассматривать с эмигрантологической точки зрения, так как миграция очень сильно закрепилась в их социальной памяти, а истории беженства и преследований из-за веры передаются из поколения в поколение.

Диаспора, как правило, состоит из больших и меньших общин, которые в определённой степени отождествляются с этносом и культурой своей родной страны. В данном плане ситуация старообрядцев отличается от других представителей русского

меньшинства в разных странах мира. Согласно приводимым в начальной части текста дефинициям культурной идентичности, одной из её главных составных является религия, которая и отличает старообрядцев от большинства русских за рубежом, которые принадлежат православной церкви. Кроме того, многие общества старообрядцев на исследуемой нами территории, а в частности в Польше и Эстонии, которые в данной статье характеризуются более подробно, это деревенские общины, которых жители занимались земледелием, рыбной ловлей, плотничьим ремеслом, а также сбором грибов и ягод. Старообрядцы изолировались от своих соседей, ограничивая контакты необходимым минимумом, что способствовало сохранению системы традиции и обычаев, а также языка – средневеликорусских говоров из псковской и новгородской групп. Староверам как этноконфессиональному меньшинству удалось сохранить свою идентичность не только благодаря изоляции от представителей большинства, но также от православных русских в диаспоре (Głuszkowski 2010: 472–474). Кроме того, жители староверских деревенских общин в Польше и странах Балтии – это крестьяне и рабочие, часто мало образованные и не заинтересованные поддержкой тесных связей с высокой русской культурой, как на родине, так и в диаспоре. Тем не менее, если старообрядческие анклавные общины не были заинтересованы в интенсификации отношений со своим культурным материком, функции авторитетов, писателей и артистов как элиты, поддерживающей идентичность группы, стали выполняться представителями местных общин.

Итак, хотя трудно было бы сравнивать «великих представителей русской эмиграции», напр. Петра Лаврова, Владимира Набокова, Илью Эренбурга, Иосифа Бродского, Александра Солженицына или Михаила Барышника с деревенскими певцами, резчиками и поэтами, в своих общинах они играют такую же роль, как известные всему миру учёные, поэты, писатели или балетмейстеры. Перечисляя избранные современные и исторические «великие имена» староверских общин в Литве – Афанасий (Антоний) Терентьевич, Марк Семенов; Латвии – Иван Заволоко, Алексей Гребенщиков; Эстонии – Гавриил Фролов, Марк Солнцев, Павел Варунин и Польше – Игуменья Евпраксия (Елена Дикопольская), Леонид Пимонов, Вера Евдокимов, Зинаида Йоник или ансамбль «Рябина», следует отметить, что лишь некоторые из них, благодаря своей научной или артистической деятельности и активности вне общины известны более широкому, т.е. не-старообрядческому кругу людей.

Трудно ожидать, что в насчитывающих несколько тысяч членов общинах появится столько же выдающихся деятелей культуры или науки, сколько в больших

обществах и диаспорах. Ведь старообрядцы на анализируемой нами территории составляют небольшие общины. По статическим данным, составленным на основании переписей населения, численность старообрядцев в Латвии составляет ок. 34,5 тыс., в Литве – ок. 23,5 тыс., в Эстонии – ок. 2,5 тыс.², в Польше – ок. 1,5 тыс. (StatEE 2017; OSPStat 2013; TMGov 2011; StateGov 2017; Ciecieląg 2016: 53–54). В данной статье сосредоточимся на двух последних общинах, как примерах самых маленьких групп, в которых, несмотря на небольшую численность их членов, живут люди, выполняющие функции стражей культурной идентичности. Среди современных членов старообрядческой общины в Эстонии выделяется Павел Варунин – председатель Союза Старообрядческих Общин Эстонии. В своей стране и за рубежом он известен прежде всего как всесторонний художник – резчик по дереву, скульптор, писатель и иллюстратор. П. Варунин добился успехов не только благодаря своим многим талантам и трудолюбию. Высокое качество его произведений это также эффект профессионального образования, так как он окончил народный Университет искусств в Москве по нескольким специальностям: ювелира, гравера, краснодеревщика, резчика по дереву (Агеева 2009). В настоящее время его творческая деятельность связана в первую очередь с резьбой, а в частности резной иконой, иллюстраторством, а также популяризацией данных искусств и старообрядческой культуры, напр. в форме уроков резьбы по дереву и организации выставок не только своего творчества. Благодаря активности и художественной ценности своих произведений, П. Варунин известен широкому кругу любителей пластических искусств. Он приглашается на встречи и выставки также вне стран Балтии. И хотя в посвящаемых его творчеству статьях П. Варунин характеризуется прежде всего как «главный старовер Эстонии», его произведения ценятся не только в категории творчества маленького русского языкового и культурного острова, но также с учетом безотносительных критериев как высококачественное искусство (ср. Чаблин 2018).

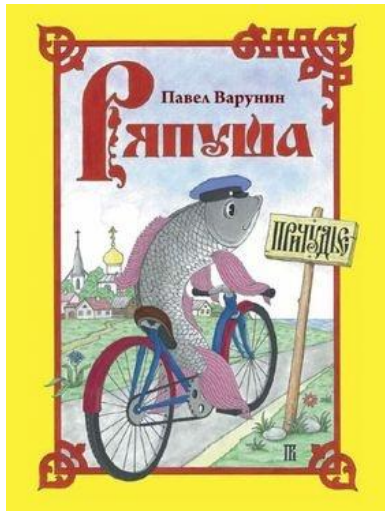
Несмотря на общую ценность произведений П. Варунина, его творчество тесно связано со старообрядчеством как таковым. Например, иллюстрации в книге *Духовные стихи и любимые песни староверов Эстонии* под ред. Марины Кувайцевой (2013), это лубочные картинки, представляющие разные мотивы староверского фольклора.

² Так как в приведённых статистических источниках в Эстонии не учитывались лица моложе 15 лет, настоящее количество старообрядцев в данной стране может быть незначительно выше.

Илл. 1. Графика П. Варунина на обложке *Духовные стихи и любимые песни староверов Эстонии* под ред. Марины Кувайцевой (2013)
<http://www.starover-pomorec.lv/starover/plugins/content/images/image/682_oblozka.jpg>

Особого внимания заслуживает авторская книга П. Варунина *Ряпуша* (Варунин 2012). Это история молодой рыбы – Ряпуши, которому надоела водная жизнь и решил выйти на берег Чудского озера (эст. Peipsi järv), чтобы узнать мир. В отдельных главах – коротких рассказах с характерными Варунину лубочными иллюстрациями описаны приключения Ряпуши, путешествующего на велосипеде по местностям на Чудском побережье. Непосредственным адресатом книги являются представители молодого поколения старообрядцев, которые всё больше ассимилируются с эстонским большинством. Книга написана на русском языке, чтобы помочь детям сохранить язык предков и познавать культуру и историю своего региона, так как Ряпуша, путешествуя по важным местам Причудья, встречает их жителей, напр. лютеранского священника, который укреплял хорошие отношения между старообрядцами и местным эстонским населением. Хотя повествование в рассказах ведётся на литературном варианте русского языка, в текст вплетена также диалектная лексика, напр. велосипед Ряпуши выступает в форме, употребляемой в говоре староверов Эстонии, т.е. *лицaped*. Так как в деревнях на побережье Чудского озера остаётся всё меньше детей и молодёжи поколения, а их более пожилые родственники предпочитают жить зимой в городе, напр. в близлежащем Тарту (ок. 40–70 км), молодые читатели, даже если хорошо говорят по-русски, часто не знают местного говора. Поэтому диалектная лексика снабжается комментариями в сносках, а также выясняется на лубочных картинках.

Ил. 2. Обложка книги П. Варунина *Ряпуша* (2012) с его иллюстрациями <<https://www.rahvaraamat.ee/images/products/000/092/221/thumbnails/view/380b07c50f95a63fa9d69e-074fc3f0a2d67f9ddb/%D1%80%D1%8F%D0%BF%D1%83%D1%88%D0%B0.jpg>>

Так как истории о Ряпуше вызвали интерес читателей, П. Варунин подготовил продолжение приключений симпатичного персонажа в таком же стиле в книге *Ряпуша и белое Причудье* (см. Варунин 2014).

Следует подчеркнуть, что истории о Ряпуше это не только красиво иллюстрированное литературное произведение, но также часть более широкой популяризаторско-образовательной деятельности. В деревне Колькья, расположенной на берегу Чудского озера, ок. 40 км северо-восточнее Тарту, стараниями П. Варунина и старообрядческой общины был основан «Дом Ряпуши», появляющийся в книге, как место жительства главного героя, а в реальном мире – центр, выполняющий культурные, музейные, образовательные и фольклорные функции.

Ил. 3. Обложка книги П. Варунина *Ряпуша и белое Причудье* (2014) с его иллюстрациями http://www.starover-pomorec.lv/starover/plugins/content/images/image/809__2.jpg

Ил. 4. «Дом Ряпуши» в д. Колькья

П. Варунин выполняет многие функции (административные, организационные и культурные) в своей общине и одновременно занимает определённое место в культурно-художественном пространстве Эстонии, других стран Балтии и России. Тем не менее, трудно сравнить его позицию в мировой культуре, напр. с таким представителем русской эмиграции как Василий Кандинский. Более ярким примером лиц важных в рамках определённой группы и мало известных вне её являются две сестры, поэтессы, представительницы старшего поколения старообрядцев в северо-восточной Польше – Зинаида Лукьяновна Леонов и Вера Лукьяновна Евдокимов. Они родились и воспитывались в деревне Габовы-Гронды (августовский регион), в которой до сих пор проживают только старообрядцы, т.е. можно говорить о сохранении частичной изоляции от внешнего мира:

Время между I и II мировой войной стало началом массового билингвизма у старообрядцев в Польше, и тогда началось серьёзное влияние польского языка на их говор. До тех пор, пока общение с польскоязычным окружением не было интенсивным и ограничивалось временем учёбы в начальной школе (в зависимости от условий: 4 до 7 лет) и редкими контактами с администрацией, средневеликорусский диалект сохранял не затронутой свою грамматику и большую часть лексики. Коренное изменение социальной ситуации старообрядческих общин в Польше произошло после мировой войны и образования Польской Народной Республики (Глушковски 2014: 89).

Как Зинаиду Леонов, так и Веру Евдокимов³ можно считать представителями элиты небольшой польской старообрядческой общины. Благодаря им можно ознакомиться со своеобразным и единственным литературным творчеством, возникающим в их общности.

Первая из вышеупомянутых информанток родилась в 1926 г., а скончалась в 2014 г. С детства она жила в Габовы-Грондах, но после вступления в брак переехала в близлежащий город Августов. Она обладала двумя языками: со своей семьёй и членами общины общалась на русском говоре, а с соседями-католиками – на польском. С польским языком З. Леонов познакомилась во время учёбы. Кроме того, она знала русский и хорошо читала церковные книги. Благодаря этому часто вела богослужения в моленной. С польским языком она познакомилась в начальной школе, а после переезда в город она находилась, прежде всего, в польском окружении. Тем не менее, у неё был постоянный контакт с говором и в её речи сохранилось много средневеликорусских псковско-новгородских черт и явлений. Память о ней до сих пор жива среди старообрядцев в её родной деревни, потому что она выполняла в своей общине важные функции, связанные с религией, традицией, культурой и историей, о которых часто вспоминала в своём творчестве (Pawlaczyk 2017: 56).

Её сестра Вера Евдокимов живёт в Августове. До своей свадьбы она жила в деревне Габовы-Гронды, в которой она родилась (1943 г.) и воспитывалась. В школьные годы она стала присваивать русский литературный язык и научилась читать не только по-русски, но также на церковнославянском языке, до сих пор употребляемом в старообрядческой литургии. В. Евдокимов двуязычная: со своей семьёй и жителями Габовы-Грондов общается на русском говоре, с католиками – на польском языке. Хотя её говор подвержён постоянному влиянию польского языка, она свободно говорит и пишет «по-своему». Кроме стихотворений она пишет также тексты песен, которые вошли в репертуар фольклорного вокального ансамбля „Рябина” (Павлячик 2017: 271).

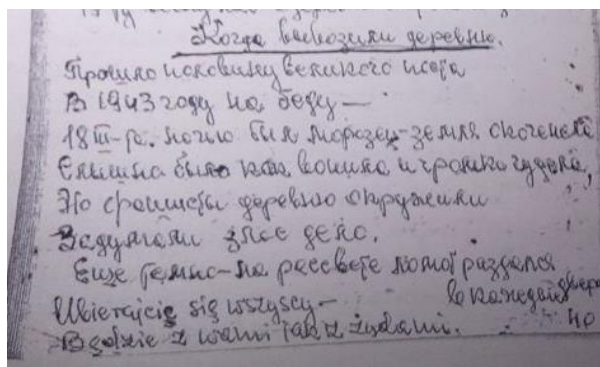
Русский говор старообрядцев в Польше, кроме исследуемых нами текстов, существует практически только в устной форме. В случае потребности записать что-либо возникает вопрос правописания. Поэтому литературное творчество обеих сестёр

³ Несмотря на русское происхождение фамилий, проживающие в Польше старообрядцы не употребляют их женских вариантов, пользуясь, согласно своим польским документам, мужскими формами.

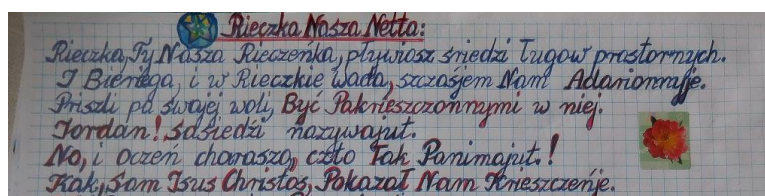
составляет очень важный материал, который образует основы литературного стиля в местном говоре.

Собственное творчество староверок состоит из нескольких десятков никогда не опубликованных поэтических произведений. Они существуют в форме тетрадей с написанными вручную стихотворениями. Отдельные произведения посвящены, прежде всего, проживающим в Польше старообрядцам, т.е. истории общества (напр. *Когда вывозили деревню*), обрядам (напр. *Rieczka Nasza Netta*), традициям (напр. *Пад Кутейник*⁴), месту жительства (напр. *Ой куда мы взялись*). Кроме того в сборниках находятся стихотворения, касающиеся их семей и отдельных жителей Габовы-Грондов (см. Pawlaczyk 2018; Павлячик 2018а), важных событий, изменений, произошедших в культурной и духовной жизни молодого поколения (см. Pawlaczyk 2017), а также деревни (см. Павлячик 2018б), родного дома, молодости, природы или времён года.

Особый интерес для языковедов представляют способы записи стихотворений. Поскольку З. Леонов старалась писать на русском языке, ориентируясь на его орфографические нормы, постольку В. Евдокимов выработала собственную систему записи на основании фонетической формы слов, опираясь на свою языковую интуицию. Младшая из сестёр в зависимости от адресата применяет три способа записи произведений:

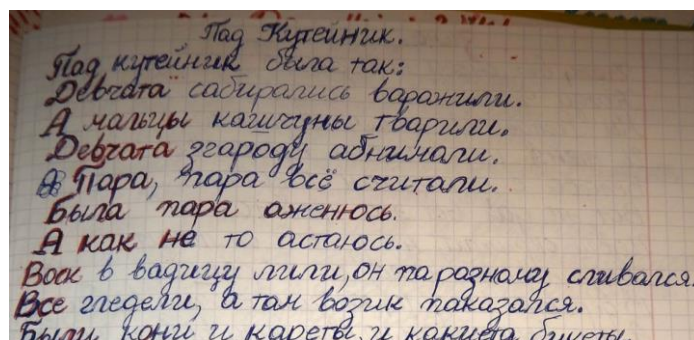

Ил. 5. Фрагмент стихотворения *Когда вывозили деревню* З. Леонов

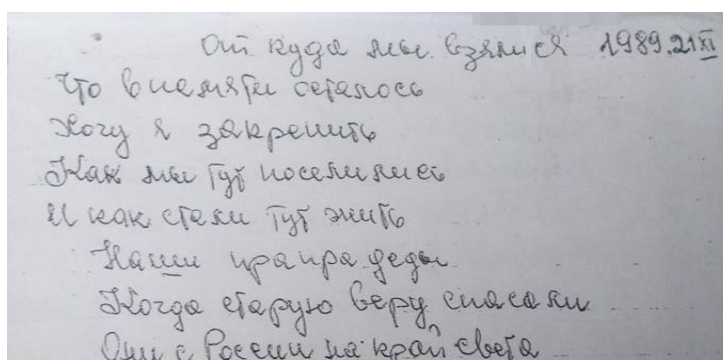

Ил. 6. Фрагмент стихотворения *Rieczka Nasza Netta* В. Евдокимов

⁴ Запись названий стихов в соответствии с оригиналом.

Ил. 7. Фрагмент стихотворения *Под Кутейник* В. Евдокимов

Ил. 8. Фрагмент стихотворения *Ой куда мы взялись* З. Леонов

1) на польском языке [напр. *Leży nasza wiosieczka koło lasu / Z drugiej strony łąk przestrzeni / I na inną z nas, nikt się nie zamieni / Bo jesteśmy religią związane / 300-Lat temu tu przyjechali / Od Nikona i jego w religii zmian / Uciekali w różne kraje, gdzie tylko Pan Bóg dał / Do Polski przybyli nasi przodkowie / Pierwsi gdzie się osiedlili była miejscowość Góra Kalwarija [...]* (фрагмент стихотворения *O naszej wiosce i o naszych dziejach*)],

2) на старообрядческом говоре с помощью латинского алфавита [напр. *Pieli tak czto daleko była słychać / A Echo niesło była czem zawlekać / Nie to słowo czto pieli / Galasa byli zwonkije / I Wsie kak trostaczki tonkije / Wsie krasiwyy na padbor / Prichadzi skariej Safron / Wibiraj kto kinitca w glaz / Możet ja budu, kak raz / Kruciut (polku) da upada / Możet budziet mnie nagrada / Niet sprawnieje udalca / I iszczo pabieda w tom / Czto zawalutca patom [...]* (фрагмент стихотворения *W dzieriewni*)],

3) на старообрядческом говоре с помощью русского алфавита [напр. *День праиол, ево уж нет / Как павял од суши цвет / Запрегите сто каней / Даганите ево скарей / Так праходят дни, неделки / И гада бегут, как стрелки / Чесы бют, идут, идут / А нам годики пльвуют / На лице маричинка / На галаве сединка / Здесь балит, то крутит, ломит / Нареекаем но всякий помнит / Как были маладыми / Как были удалыми [...]* (фрагмент стихотворения *Жизнь*)].

Адресатом первого стихотворения является, прежде всего, польскоязычное окружение, но когда В. Евдокимов пишет для людей, знающих русский говор, применяет два остальных способа записи. Так как многие старообрядцы в Польше не читают и не пишут по-русски, она стала записывать свои стихотворения с помощью латинского алфавита с использованием некоторых правил польской орфографии. Для остальных, т.е. русскоязычных членов общины, она пишет русским шрифтом (Павлячик 2017: 271–272).

Старообрядцы в августовском регионе уважают З. Леонов и В. Евдокимов, и считают их представителями элиты в их обществе. Все знают, чем они занимались (или занимаются) и признают важную культурную роль их творчества. Постоянно возникающие стихотворения, не только позволяют старообрядцам лучше узнать историю, культуру и традиции общины, но также увеличивают престиж местной культуры и языка, в котором рождается литературный стиль.

Хотя поэтическое творчество обеих сестёр практически неизвестно вне общины, в своей группе они выполняют очень важные роли и безусловно принадлежат к числу её выдающихся представителей. Однако, деятельность В. Евдокимов выходит также за рамки общины. Она является одним из членов фольклористического ансамбля „Рябина”, основанного в 1988 г. В настоящее время вокальная группа состоит из шести женщин, которые поют разного типа песни, среди которых находятся также тексты, написанные В. Евдокимов. Для певиц самое важное – содействовать сохранению и развитию традиции и культуры старообрядцев. Одним из важнейших событий в истории „Рябины” было участие в 2007 году в I Общепольском Конкурсе российской песни в Белостоке, благодаря которому появилась возможность поехать в Москву на I Международный фестиваль российской песни (2008 г.)⁵. Ансамбль принимал также участие в III Международном фольклористическом фестивале в Вильнюсе, а его члены гордятся изданием двух дисков, записанных в профессиональной студии: „Pieśni Staroobrzędowców. Riabina” (Песни старообрядцев. Рябина) и „Riabina – w styrawierskiej dziariewni” (Рябина – в «стыраверский дярэвни»); (GOK 2018).

Свои рассказы об истории „Рябины” члены группы всегда начинают с имени фольклориста Мирослава Наласковского, который в 80. гг. XX в. в связи со своим увлечением культурой региона приехал в деревню Габовы-Гронды и, восхищённый песнями деревенских артисток, стал их убеждать, чтобы создать ансамбль и показать

⁵ На основании интервью с ансамблем „Рябина” (2015 год).

уникальную технику пения всему миру, а также сохранять свою традицию и передавать её следующим поколениям. Его идея понравилась восьми женщинам, которые первый раз спели свои песни в 1986 г. в Августове. Сегодня „Рябина” состоит из семи женщин: Марты Анчипов, Анны Ефимов, Зинаиды Анчипов, Ирены Фомин, Веры Евдокимов, Марии Ефимов. Раньше членами были также Фелицията Дановска, Анастазия Тиханов, Вероника Филипов и Нина Дроздовска (Snarski 2015: 213–216).

Члены „Рябины” не используют инструментов. По словам одной из них, они поют „сердцем, своим голосом”. Ансамбль выступает не только на фестивалях перед большой аудиторией, но также на местных культурных мероприятиях в деревенских клубах и небольших культурных центрах региона или во время соседских встреч. Они исполняют песни на своём говоре, общерусские и польские о любви, баллады, свадебные и т.п. Их технику и правила пения анализировала Уршула Налясковска, обращая внимание на порядок голосов, роль начинающей (т.н. запевалы), моменты в которых начинается хоровое пение (середина песни, припев) и др. (Nalaskowska 1999: 55).

Ил. 9. Ансамбль „Рябина”

Участие в репетициях играет важную роль в жизни членов ансамбля „Рябина” – по их словам, это их единственное развлечение. Воспомянут своё выступление в „Доме учителя” в Августове, с которого началась их история, а также очередные важные конкурсы: в Сувалках, Москве и Вильнюсе. В местном деревенском клубе и в домах членов ансамбля на стенах висят многие дипломы, которыми гордятся не только певицы, но тоже их родственники и соседи. Члены „Рябины” и их семьи активно

участвуют в культурной и религиозной жизни общины, стараются разносторонне распространять свою традицию.

Несмотря на средний или низкий уровень узнаваемости старообрядческих элит вне общины, их внутренний престиж и значение трудно переоценить. Результаты их деятельности замечают даже мало активные члены группы. Они приводят к тому, что даже молодые люди, редко участвующие в богослужениях в моленной и работающие вне родной деревни, начинают интересоваться своей историей и положительно относятся к разнообразным мероприятиям, способствующим сохранению традиций и культуры предков, к которой раньше некоторые из них относились равнодушно. Трудно прогнозировать, каковы будут результаты деятельности П. Варунина, З. Леонов, В. Евдокимов и вокальной группы «Рябина» в будущем, но можно надеяться, что о сохранении, а в некоторых случаях о восстановлении идентичности старообрядцев будут заботиться не только лидеры, но и другие члены исследуемых нами общин.

Литература

- Агеева Е., 2009, *Варунин*, [в:] *Православная энциклопедия*, <<http://www.pravenc.ru/text/154381.html>> (29.12.2018).
- Барановский В., Поташенко Г., 2005, *Староверие Балтии и Польши. Краткий исторический и биографический словарь*, Vilnius: Aidai, с. 77–78.
- Варунин П., 2012, *Ряпуша*, Tallin: Rahvakultuuri Keskus.
- Варунин П., 2014, *Ряпуша и Белое Причудье. Причудская сказка и картинки с подсказкой*, под ред. О. Г. Ровновой, Тарту: Таос, Tallinn: Pakett.
- Глушковски М., 2014, *Особенности языка среднего поколения старообрядцев сувальского и августовского регионов*, [в:] *Staroobrzędowcy za granicą 2: Historia. Religia. Język. Kultura*, под ред. D. Paśko-Konecniak, M. Ziółkowskiej-Mówki, S. Grzybowskiego, M. Głuszkowskiego, Toruń: EIKON, с. 89–98.
- Духовные стихи и любимые песни староверов Эстонии*, выбор М. Кувайцевой, 2013, Narva: Narva Muuseum.
- Муртазина Л. Р., 2011, *Социальный институт как предмет социологического анализа*, „Вестник Чувашского университета”, № 1, с. 185–190.

- Павлячик А., 2017, *Как пишут старoverы (на примере поэтических произведений старoverки старшего поколения августовского региона)*, [в:] *Współczesne badania nad językiem rosyjskim*, под ред. К. Dembskiej, D. Paśko-Konecniak, Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, с. 269–279.
- Павлячик А., 2018а, *Лексико-семантическое поле понятия <мать> в поэтических произведениях Веры Евдокимов*, [в:] *Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 16*, В. И. Осипов, Е. И. Соколова (ред.), Москва, с. 125–127.
- Павлячик А., 2018б, *Языковая картина деревни в поэтических произведениях старообрядцев Августовского региона*, [в:] *STUDIA SLAVICA XVI. Научные труды молодых филологов*, Е. Батракова (ред.), Таллин: Институт славянских языков и культур Таллинского университета, с. 165–176.
- Потехина Е., Ницевич А., Аугустяк А., 2010, *Старообрядческие духовные стихи из рукописной тетради Елены Петровны Дикопольской* [w:] *Staroobrzędowcy za granicą. Historia. Religia. Język. Kultura*, pod red. M. Głuszkowskiego i S. Grzybowskiego, Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, s. 209–222.
- Чаблин А., 2018, *Где прочесть «взбылишные байки»?*, „Открытая газета” №50 (845), <<https://www.opengaz.ru/stat/gde-prochest-vzbylishnye-bayki>> (28.12.2018).
- Cieciela P., 2016, *Wyznania w Polsce 2012–2014*, Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.
- Głuszkowski M., 2010, *Socjologiczne podstawy zmiany językowej. Na przykładzie społeczności staroobrzędowców w polskim otoczeniu językowym (region suwalsko-augustowski)*, [w:] *Słowianie Wschodni na emigracji: Literatura – kultura – język*, „Studia i Szkice Slawistyczne” X, pod red. B. Kodzisa i M. Giej, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 465–475.
- GOK 2018, <gok-zarnowo.home.pl/zespoly.html> (31.12.2018).
- Hillmann K.-H., 2007, *Wörterbuch der Soziologie*, Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Iwaniec E., 1977, *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.*, Warszawa: PWN.
- Kwaśniewski K., 1990, *Tożsamość kulturowa*, [w:] *Słownik etnologiczny*, pod red. Z. Staszczak, Warszawa: PWN, s. 351–353.
- Nalaskowska U., 1999, *Wesele u staroobrzędowców w Suwalskiem, dramaturgia i muzyka obrzędu*, „Studia Angeburgica” t. 4.
- Olechnicki K., Załęcki P., 1998, *Słownik socjologiczny*, Toruń: Graffiti BC.

- OSPStat 2013. *Population by religious community indicated, municipalities (Lit-huania)*, <http://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Population_by_religion_municipality.xls/3ee8082b-c82b-4817-97ba-f0e0777f7bc7> (28.12.2018).
- Pawlaczyk A., 2017, „*A теперь всё по-другому...*” – что изменилось в жизни старообрядцев? (на примере поэтических произведений староверки старшего поколения августовского региона), „*Emigrantologia Słowian*” vol. 3, с. 55–63.
- Pawlaczyk A., 2018, *Językowy obraz kobiety w twórczości staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, [в:] *Staroprawosławie wczoraj i dziś*, под ред. А. Jaskólskiego, Warszawa: Instytut Rusycystyki UW, с. 85–98.
- RIA, 2006, *Российская диаспора за рубежом достигла 30 миллионов человек*, <https://ria.ru/20061012/54757915.html> (28.12.2018).
- Snarski K., 2015, *Zespół śpiewaczy Riabina z Gabowych Grądów i jego wkład w zachowanie tradycyjnej kultury staroobrzędowców*, [w:] *Rosja w dialogu kultur*, t. 1, под ред. К. Dembskiej, М. Глущковского, Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, с. 213–226.
- StatEE, 2017, *At least 15-year-old persons by religion, sex, age group, ethnic nationality and county (Estonia)*, <http://pub.stat.ee/px-web.2001/I_Databas/Population_census/PHC2011/01Demographic_and_ethno_cultural_characteristics/08Religious_affiliation/08Religious_affiliation.asp> (28.12.2018)
- StateGov 2011. *July-December, 2010 International Religious Freedom Report*, <https://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2010_5/168320.htm> (28.12.2018)
- TMGov 2011. *Par Tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju pārskatiem par darbību 2011. gadā*, <http://www.tm.gov.lv/files/11_bHZfbGFidW1pX1RNLmRvY3g/lv_labumi_TM.docx> (28.12.2018)

«ВЕЛИКИЕ» ПРЕДСТАВИТЕЛИ МАЛЫХ ОБЩИН

Резюме

Несмотря на большое количество дефиниций культурной идентичности, некоторые её элементы повторяются независимо от источника: язык, вероисповедование, национальность или этничность, традиции, разделяемая всеми членами общины история группы, сознание групповой интегральности и отличия от окружения. Большие общества и диаспоры благодаря административной и институциональной поддержке не испытывают таких проблем в сохранении своей культуры, как маленькие

общины, а в частности языковые и культурные острова. В данном плане важна роль элит (писателей, поэтов, социальных и политических деятелей, художников и артистов). В то время как русская диаспора может похвастаться многими выдающимися представителями мирового масштаба, как напр. лауреаты Нобелевской премии, элиты небольших общин, к которым принадлежат старообрядцы Польши и Балтии, известны прежде всего в рамках своей группы. В статье представлены примеры представителей самых маленьких староверских общин в Эстонии и Польше, а также указана их роль с внутренней и внешней перспективы.

Ключевые слова: старообрядцы, небольшие общины, языковые и культурные острова, диаспора, элиты

SMALL COMMUNITIES AND THEIR „BIG NAMES”

Abstract

Despite of many existing definitions of cultural identity, most of the sources indicate its several essential elements: language, religion, nationality or ethnicity, traditions, history of the group shared by its members, feeling of the inner integrity of the group and differences from the surroundings. While bigger societies and diasporas have institutional and administrative support for their culture, smaller communities, e.g. language and cultural islands experience many difficulties to maintain their identity. The role of elites (writers, poets, social and political activists, painters and other artists) is also important. However, Russian diaspora can be proud of its famous representatives, such as Nobel Prize winners, the situation of small communities, e.g. Old Believers in Poland and Baltic States, is more difficult, while their leaders and elites are usually recognizable only inside the community. The article presents some examples from the smallest Old Believer communities in Estonia and Poland, showing their role inside the group and from the perspective of the whole country.

Key words: Old Believers, small communities, language and cultural islands, diaspora, elites